
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Гудимова С.А.

СОЮЗ ФИЛОСОФИИ И ФИЛОЛОГИИ

Рецензия на книгу:

Шартрская школа: *Гильом Коншский*. Философия; *Теодорих Шартрский*. Трактат о шести днях творения; *Бернард Сильвестр*. Космография, Астролог, Комментарий на первые шесть книг «Энеиды»; *Алан Лилльский*. Плач природы. – М.: Наука, 2018. – 457 с. – (Литературные памятники).

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия*

Получена: 29.05.20

Принята к печати: 12.06.20

Gudimova S.A.

Union of Philosophy and Philology

Book review:

Chartres school: *Guillaume of Conches*. Philosophy; *Theodoric of Chartres*. A treatise on the six days of creation; by *Bernard Sylvester*. Cosmography, Astrology, commentary on the first six books of the «Aeneid»; *Alan of Lille*. The cry of nature. – Moscow: Nauka, 2018. – 457 p. – (Literary monuments).

*Institute of Scientific Information in Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: 29.05.20

Accepted: 12.06.20

Средневековье создало свою картину мира, стройную и соразмерную. Человек был органической частью этого мира и «мерой всех вещей». Именно так представляли себе мир лучшие умы Средневековья в ту самую эпоху, которую обычно называют «Высоким Средневековьем» или «Возрождением XII в.». Понятие «Шартрская школа» стало фактически синонимом Ренессанса XII в.

Шартр – это литературно-философское братство, выходящее за рамки и Шартра, и даже Северной Франции. Мыслители шартрского круга искали такого знания о человеке, мире и Боге, которое не могло обойтись без иносказания и символизма. Здесь не только чтит латинскую древность, но знали об интеллектуальных новинках, прежде всего переводах с арабского и греческого. Объединить античные авторитеты и христианскую догму, мудрость и красноречие могла, как отмечает в послесловии О.С. Воскобойников, лишь словесность. Общие литературные, философские задачи, в большей степени, чем закрепленная какими-либо статутами социальная, образовательная или политическая институция, позволили составителям сборника объединить под эгидой Шартра таких крупнейших мыслителей средневекового Ренессанса, как Теодорих Шартрский, Гильом Коншский, Бернард Сильвестр и Алан Лилльский. На русском языке некоторые труды этих авторов выходили лишь фрагментарно, за исключением «Трактата о шести днях творения».

Один из идеалов науки XII в. – союз Меркурия и Филологии – знакомый в те времена всем со школьной скамьи по знаменитой сатире Марциана Капеллы, представляет собой поэтическую метафору «согласия наук». Брак бога Меркурия («разума», «логоса») и смертной девушки Филологии («любви к разуму») значит очень много для понимания интеллектуальной атмосферы XII в. Представляя читателю «Семикнижие», свою школьную антологию древних текстов по семи свободным искусствам, Теодорих Шартрский писал: «И греческие и римские поэты свидетельствуют, что Филология вышла замуж за Меркурия благодаря стараниям Гименея, в полном согласии Аполлона с музами и при участии семи искусств, без которых такое дело, наверное, вовсе нельзя было осуществить. И верно, у философии два помощника – разумение и его выражение: разумение просвещается квадривиумом, а изящное, разумное, украшенное его выражение –

тривиумом. Отсюда явствует, что мое семикнижие всей философии – единственное в своем роде пособие. Ведь философия есть любовь к мудрости, мудрость – полноценное познание истины сущего, которого не достичь иначе, как возлюбив его. Нет мудреца, если он – не философ» (с. 310).

Большинство философских трактатов XII в. написаны таким изящным литературным слогом. Метафоричность, символичность мышления и научного письма чрезвычайно характерны для литературы Ренессанса XII в. Но любовь к иносказанию не противоречила поиску рационального объяснения всего, что есть в подлунном мире.

Составитель тома, переводчик и комментатор О.С. Воскобойников отмечает: «Шартрский поэт в первую очередь мыслитель, но мыслитель, которому для выражения смысла нужен метр. Именно поэзия позволяет вывести любой рассказ, будь то миф или Книга Бытия, Эвридика или Рахиль, в особое временное пространство, непонятно, где начавшееся и непонятно, где заканчивающееся. А можно и вовсе уместить его во сне, как делает “Плач Природы”. <...> Эта временная неопределенность <...> и есть то, что отличает поэтический подход к космологии от строго философского. Поэтическая интуиция оперирует такими нюансами, которые не то чтобы недоступны философу по определению, но недопустимы по жанру. В дискурсивной аргументации Гении, Имармене, Разумы и Энделихии не могут путешествовать, жестикулировать, выражать радость или печаль, сомневаться или жаловаться. Для философии такое “поведение” – абсурд <...> категории не могут вообще “вести себя”, они пребывают» (с. 318).

Постоянно обращаясь к Платону, Аристотелю, Боэцию, философы Шартрской школы сплавляют их идеи с христианскими доктринами в новом научном синтезе. Именно в Шартре родилось знаменитое сравнение «нынешних» мыслителей с карликами, сидящими на плечах «древних» гигантов: «древние» были мудрее, но мы, сидя на их плечах, видим дальше.

Картина мира шартрцев, запечатленная в «Трактате» Теодориха, «Философии» Гильома Коншского, «Космографии» Бернарда, немыслима без их комментариев к классикам. Вся их творческая деятельность и есть раскрытие классиков.

В Средневековье все мироздание предстает как система знаков и символов. Иносказательная форма образа должна поддерживать исследовательский дух и трезвость ума у ищущего истину. Излюбленные авторитеты шартрцев – авторы «Тимея» и «Энеиды» – для выражения истины пользовались мифами или «покровами». Во Вступлении «Комментария на первые шесть книг “Энеиды” Вергилия» Бернард Сильвестр пишет: «Поскольку он [Вергилий. – С. Г.] философ, он пишет о природе человеческой жизни. Образ действия его таков: он прикровенно (*in integumento*) описывает, что совершает и претерпевает человеческий дух, помещенный на время в человеческое тело. Описывая это, он пользуется природным порядком и таким образом сохраняет двойной порядок в повествовании: как поэт – искусственный, как философ – природный.

Покров (*integumentum*) – это род изложения, который обертывает понимание истины вымышленным повествованием, потому еще называется оберткой (*involutum*). Людям это сочинение приносит пользу, а именно познание себя; ведь, как говорит Макробий, великая человеку польза – знать самого себя» (с. 156).

В «Комментарии» Бернард дает поэзии новый статус в системе знаний о мире. Оставив в стороне исторический пласт великой латинской поэмы, он рассматривает ее как космологический трактат. Путь Энея – не предыстория римского народа, а странствие человека, который ищет истину, но постоянно встречает препятствия и искушения.

Какой же метод интерпретации использует Бернард? Приведем несколько отрывков. «Он [Эней. – С. Г.] ускользает с семью кораблями. Под семью кораблями мы понимаем семь желаний, увлекающих Энея и его сотоварищей. Мы везде понимаем под кораблями желания, влекущие нас в разные стороны. Первый корабль – это желание видеть, второй – слышать, третий – ощущать вкус, четвертый – обонять, пятый – осязать, шестой – двигаться, седьмой – покоиться. Прочие корабли, которые он на время потерял, а потом вновь обрел – суть желания различать, понимать, отражать пороки, следовать за добродетелями» (с. 162).

«Отвергнув Дидону, он устраивает четыре состязания в честь своего отца, ибо, отвергнув сластолюбие, он жертвует Богу упражнения четырех добродетелей в мужском возрасте. Под управлением кораб-

лями мы понимаем воздержанность (*temperantia*), управительницу всех влечений. Это состязание идет первым, поскольку в стяжании добродетелей первой надлежит обрести воздержанность. Ведь именно она удерживает пороки, а потому необходимо предшествует прочим добродетелям. Воздержанность есть управление рассудка в отношении влечения и других неправедных движений духа» (с. 172).

Читая «Комментарий» Бернарда, невольно вспоминаешь интерпретацию «Энеиды», которую дает известный польский ученый XVII в. М.К. Сарбевский в книге «О совершенной поэзии, или Вергилий и Гомер». Скрытое содержание «Энеиды» он расшифровывает так: Эней, сын смертного Анхиза и богини Венеры, – это всякий смертный человек, чье тело – прах, а душа – бессмертна. Эней, руководимый Венерой, т.е. небесной мудростью и высшей благодатью, покидает горящую Троию, т.е. пожар юношеских страстей, и запутанной дорогой направляется в Италию – царство истинной мудрости. Защищая Троию, он стремится следовать зову плотского начала, но Венера учит, что все земное и плотское (т.е. Троя) должно погибнуть. Эней, потрясенный судьбой погибших в сражении, решает вернуться домой – начать духовную жизнь. Он плывет домой морем. Это означает, что он почти утопает в пучине страстей. Он останавливается во Фракии, которая символизирует алчность, попадает в другие города и царства, на острова, которые также отражают какой-нибудь порок или грех. Например, остров Циклопов – символ жестокой тирании. Эол, означающий низменные желания (у Сарбевского желания высшие символизирует Нептун), заставляет Энея пристать к Карфагену, и Дидона, олицетворение общественной жизни, политики, влюбляется в Энея, что естественно, так как государственные дела требуют людей благородных, очищенных от страстей, знающих чувство меры, а именно уже почти таким стал Эней. По совету Меркурия, олицетворяющего божественный разум, Эней покидает Дидону. Она погибает, и ее смерть – это поражение политики, из которой уходят разумные люди. Корабль Энея пристает к берегам Италии. Герой встречается с Сивиллой, олицетворяющей веру, с Хароном, т.е. обретает зрелость в суждениях, с Цербером, т.е. приобретает чувство времени настоящего, прошедшего и будущего. Наконец он оказывается в Люциуме, царстве

мудрости, как истинный философ сражается с софистом и женится на Лавинии, т.е. получает способность понимать природу вещей¹.

Итак, У Сарбевского Меркурий – божественный разум, у Бернарда он многолик. Да, Меркурий – разум, логос, но еще в «Комментариях» говорится: «Под Меркурием иногда надо понимать звезду, иногда красноречие: звезду в той басне, где читаешь, что Венера прелюбодействует с Меркурием, чем подразумевается, что эти звезды в своем восхождении соединяют свои влияния; а красноречие – там, где Меркурий домогается брака с Филологией. Ведь если красноречие не сочетается с мудростью, то мало помогает, а скорее вредит. Поэтому он изображается как птица или собака, ибо речь бежит быстро. Говорят, что он носит жезл, коим разделяет змей, поскольку он владеет истолкованием, коим отделяет сутяг и испускателей словесного яда. Его называют первоначальником воровства, ибо он обманывает души слушателей. Он покровительствует торговцам, так как они, продавая что-либо, помогают себе красноречием. Поэтому он зовется Меркурием <...> т.е. «богом торговцев»...» (с. 123). Далее Бернард называет Меркурия «бегущим посреди», «забота о торговцах», «колесница умов», поскольку тот продвигает продуманные вещи, и Гермесом, т.е. истолкователем.

Расшифровывая мифы, шартрский философ и поэт обнажал диалектику мифа, его противоречивость и символизм. То, что интерпретаций много, несколько не смущает мыслителей XII в., наоборот, это их радует. «Стоит беспокоиться не о множественности изложений, это повод порадоваться, но о противоречиях, если таковые в изложении встретятся», – пишет Гильом Коншский (с. 325).

Настоящая поэзия иносказательна, любая риторика пользуется фигурами. Но шартрская метафорика, подчеркивает О.С. Воскобойников, не набор речи, она – система мысли. Эта система – главная находка Шартра в истории литературы. Здесь поэзия открывает двери философии и космологии, она позволяет схватить те глубинные, порой иррациональные аналогии, на которых зиждется Божий мир.

¹ Гудимова С.А. Принцип отражения в поэтике барокко // Гудимова С.А. Музыка в контексте культуры. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 326–327.

Вдохновленный «Тимеем» Платона, Бернард Сильвестр пишет свою «Космографию», состоящую из двух частей – «Мегакосмос» и «Микрокосмос». Начинается произведение с описания первозданного хаоса:

Сильва, безвидный хаос являя собою в то время,
в недрах своих уж несла начальных вещей мешанину (с. 86).

Недовольная состоянием первоматерии, Природа обращается к Разуму с просьбой придать «материи образ более нежный и снять с нее это косное бремя» (с. 86). Разум разделяет четыре стихии, устанавливает девять ангельских чинов, располагает звезды, создает 12 знаков зодиака, приводит в движение семь планетных сфер, утверждает Землю в центре. Далее описываются знаменитые горы и реки («Сена струится в местах, где вели свои войны потомки / Древних царей, что ведут от Пипина и Карла свой род» (с. 97).) и представлен настоящий каталог растений и животных.

В конце IV части первой книги Бернард Сильвестр пишет: «Невозможно ведь поверить, чтобы мудрый Творец создал косную материю, не предусмотрев места и для источника жизни. Мир – живое существо, а живого существа без души не найти. Из земли многое всходит, но без стимула к росту ни дерево не поднимется, ни трава, ни что иное. Так и вся вечная череда вещей проистекла из жизни Ума, духа Сильвы, Души мира и роста творений» (с. 104).

Во второй книге – «Микрокосмос» – Создатель, любуясь красотой мироздания, обращается к Природе с такими словами: «...заботливому мастеру подобает придать произведению славное завершение, и я решил увенчать его с честью и достоинством, создав человека. Великим благоволением одарю я его и великой силой, чтобы со всяким созданным мной животным он мог поспорить своим особенным, как бы исключительным положением» (с. 108). Разум приказывает Природе отправиться на поиски царицы созвездий Урании и Физис, сведущей во всех вещах. Пролетев через небесные сферы, Природа и Урания находят Физис, живущую на лоне цветущей благоухающей земли с двумя дочерьми – Теорией и Практикой. Внезапно появляется Разум, который произносит речь о достоинстве человека: «Все подчинится ему,

круг весь земной, без остатка, / Первым, верховным жрецом ему быть в порядке вещей» (с. 122). Физис из четырех стихий создает человека. Но по какому образу и подобию! Хочется обратить на это особое внимание: «Физис решила, что не будет ошибкой, если малый мир, человека, она выстроит по образцу большого мира» (с. 128).

В «Космографии» Бернард Сильвестр становится настоящим поэтом космоса. Как и Платону, ему удалось познакомить читателя с порядком мироздания.

К космосу Бернард обращается и в небольшой поэме «Астролог», которая посвящена актуальной во все времена теме свободы и рока. Сюжет поэмы таков: астролог предрекает, что родившийся ребенок будет наделен всеми возможными достоинствами.

Ликом Парису дитя, душою Ахиллу подобно,
Спеси ж ни доблесть ему, ни красота не внушит.
Крез беднее его, Улисс не столько находчив,
Разум держит бразды дел и талантов его.
Меж сужденных удач благоденственной жизни он будет
Граду Ромулову и господин, и отец (с. 135).

Но по воле звезд и богов этот любимец Фортуны станет отцеубийцей. Несмотря на то что «почести Цезаря он превзошел, Геркулеса свершенья», Судьба неотвратима.

Многие исследователи считают, что Бернард Сильвестр верил в астрологию, его даже называют одним из создателей и популяризаторов астрологической вселенной позднего Средневековья. Вероятно, это так. Но автор посвящает свою поэму доказательству свободы человека от рока. Отцеубийца (так называет его родная мать) не хочет сдаваться: «Судьбу упрежу и убиенье отца». Он надеется на разум и силы человека, данные ему изначально:

Так сотворил стихии Господь и огненны звезды,
Чтоб в подчиненье огню не был у звезд человек;
Но разумения дал ему чистого силу,
Дабы грядущему злу мог он противостоять (с. 149).

По мнению исследователей, тема «Астролога» взята Бернардом из IV декламации Псевдо-Квинтилиана. В ней рассматривается два зако-

на – первый: храбрый муж может требовать награду, какую хочет. Второй закон гласит: если человек, намеренный совершить самоубийство, не оправдает своего решения перед сенатом, его тело следует бросить непогребенным. Речь главного героя перед сенатом составляет пятую часть поэмы Бернарда и заканчивается словами: «...царем вашим быть отрекаюсь: / Волен я ныне; помех нет для желаний моих» (с. 154). Комментаторы полагают, что Бернард не выразил в поэме своего отношения к астрологии, но слова: «Волен я ныне» – говорят, пожалуй, сами за себя. Платонический образ природы в поэме Алана Лилльского «Плач Природы» во многом близок «Космографии». Но Аланова Природа не творит, как у Бернарда, она хранит сотворенное Богом. Если Бернард вдохновлялся «Тимеем» Платона и ориентировался на «Брак Филологии и Меркурия», т.е. прозиметр мифоповествовательного типа, то Алан – на «Утешение философией» Боэция, визионерский диалог: в конце автор пробуждается и объясняет, что все это сон. «Плач» бичует пороки человека за их противоестественность. В конце поэмы Гений, помощник Природы, предаёт анафеме тех, «кто претерпевает кораблекрушение прожорливости или кошмар опьянения, кто познает пожар жаждущей алчности, кто восходит на призрачную вершину надменной заносчивости, кто в сердце снедается глубокой завистью, кто сопутствует лицемерной любви, оказываемой лостью» (с. 290).

Алан пользуется большим количеством размеров, его проза ритмизована в каждой фразе, порой его аллегории, виртуозные фигуры, стилистические изыски затрудняют чтение, кажутся чрезмерными: «Приближающейся деве идя навстречу с ревностной поспешностью, Природа, услащая яство своего приветствия приправою лобзания, явила лик глубокой приязни» (с. 282). Эта витиеватость поэмы Алана Лилльского мастерски передана в переводе Р.Л. Шмаракова.

Автор «Философии» грамматик Гильом Коншский в своей работе не пользуется «кудрявыми» метафорами, более того, в прологе ко второй книге, посвященной описанию устройства Вселенной, он отстаивает свое право писать без украшений: «Зная, что большинство ищет красоты словес и очень немногие – научной истины, взыскуя славы у этих немногих, а не у толпы, порадеем об одной лишь истине. Голая правда нам милее наряженной в тогу лжи» (с. 22). В небольшом трак-

тате Гильом уместил и космогонию, и космологию, и богословие, и даже антропологию, дав оригинальную для своего времени картину работы человеческого организма. Начинается книга такой дефиницией: «Философия есть правильное постижение того, что существует и невидимо, и того, что существует и видимо» (с. 7). Начав с определения философии, он как правоверный христианин переходит к Богу и основным догматам христианства, т.е. к невидимому, но истинно существующему миру, без которого немислим видимый, изучаемый «физиком» и философам мир. В трактате представлена новейшая для своего времени версия христианской космологии, дополненная знаниями древней натурфилософии (Платон, Боэций и др.) и переведенных на латынь только в XII в. текстов греко-арабской медицины. Описание Гильомом мирового устройства еще не выводит Творца «за скобки», но всемогущество Бога уже не служит, как у Отцов Церкви, аргументом в споре.

«Трактат о шести днях творения» Теодориха Шартрского, архидиакона и канцлера Шартрского собора, лишь формально можно отнести к жанру «шестоднегов», широко распространенных на средневековом Западе. Современники считали Теодориха первооткрывателем Платона и Аристотеля, реформатором таких разделов философии, как космология и логика. Научная деятельность Теодориха у многих вызывала восхищение:

Логики узел рассек и умом проник он в глубины,
Коих доселе никто в век наш достигнуть не мог:
И аналитики первым, и опровержения первым
Понял, и галлам, собрав греков богатства, принес (с. 324).

Книгу Бытия Теодорих трактует согласно «физике», демонстративно отбрасывая традиционное аллегорическое толкование. Его интересует буквальное, историческое толкование библейской космогонии, которое, по мнению автора, может быть только физическим. Впервые ставя знак равенства между физическим толкованием и буквальным, он полностью меняет концепцию «шестоднегов». Изучая труды Боэция, в частности «О Троице» и «Арифметику», автор почерпнул совершенно новую для него и всего XII в. методику применения наук о числах для решения богословских задач. В истории европейской научной мысли «Трактат о шести днях творения» стоит в

начале современной физики, для него библейский рассказ – лишь отправная точка для решения вопросов, выходящих за рамки комментария текста.

В книге «Шартрская школа» опубликованы работы лучших латинистов, классиков литературы своего времени, новаторов в области философии. Особо хочется отметить мастерские переводы О.С. Воскобойникова, Р.Л. Шмаракова и П.В. Соколова. Переводчики же составили подробнейшие примечания, без которых было бы невозможно погрузиться в философско-поэтический мир шартрцев. Книга «Шартрская школа» – ценный подарок не только для медиевистов, но и для всех, интересующихся историей культуры.